

Держу в руках «Честную книгу» Эдуарда Анашкина и ловлю себя на мысли о притягательности первой страницы обложки. Романтично смотрятся на ней и старинная ложечка, и письменный набор — чернильница с гусиным пером, и чай в стакане с подстаканником, и книги, а на дальнем плане в призрачном свете — кромка леса. Между ними горящая свеча, огонек которой в круглой ауре напоминает полную луну...

Название заставляет задуматься: почему честная? Вроде понятно, о чем: документальная повесть о дружбе с писателем и литературоведческие очерки и статьи. Что хочет сказать автор, дав такое название?..

Книгу переворачиваю и вижу на обратной странице обложки фото и краткую биографию автора. Сибиряк, родился в Читинской области, в 1946-м, послевоенном году. Отмечаю его желание учиться. Это важное качество на пути самосовершенствования. Брался за любую работу. Начинал рабочим, стал учителем в школе, а затем заведующим отделом сельской районной газеты. Но в итоге затянула литературная стезя. Вступил в Союз писателей России. Жизненные испытания и полученный опыт легли в основу рассказов и повестей. Интерес к творчеству других вылился в литературоведческие очерки и статьи. Публиковался во многих газетах и журналах, выпустил несколько книг. И вот — новая, нынешнего года издания.

Вот так, в нескольких строчках изложена целая жизнь писателя, а что конкретно стоит за пройденными годами?

Отсчет своего становления и многих, одновременно с ним начинавших, а ныне известных писателей Эдуард Константинович ведет с Читинского семинара, состоявшегося в 1965 году. Именно с того судьбоносного поворота молодые писатели стремительно и уверенно входили в литературу. Среди них был и Валентин Григорьевич Распутин.

Свое повествование исследователь ведет от первой встречи с Распутиным до его последних дней, рассказывая при этом и о судьбе других писателей — как известных до семинара, так и получивших надежную поддержку и путевку в жизнь тогда, более полувека назад. «Надо принимать во внимание то, что значит для молодого писателя подобный семинар и оценка маститых словотворцев. Это таинство обретения своей творческой самобытности, по сути, таинство рождения писателя», — отмечает Анашкин.

По воле судьбы начинающий прозаик навсегда переехал в Поволжье, но не пере-

стал «прислально следить за творчеством писателей-сибиряков», встреченных в Чите: Валентина Распутина, Вячеслава Шугаева, Александра Вампилова, Геннадия Машкина... «Как читатель-читинец и как земляк-сибиряк радовался их творческим победам».

На памятном семинаре приглашенный в качестве гостя Эдуард Анашкин попросил Распутина подарить книгу. На что Валентин Григорьевич «как-то по-детски улыбнулся»: «Пока не могу. Вот выйдет книга — тогда и подарю с радостью...» «Так состоялось мое знакомство с будущим классиком отечественной литературы», — вспоминает автор документальной повести. И Распутин выполнил свое обещание — подарил Анашкину книгу, и не одну, с дарственными подписями. А к анашкинскому изданию «Запрягу судьбу я в санки» написал предисловие под названием «На добро — добром».

«Наши с Распутиным хорошие отношения, собственно, имеют своим истоком ту нашу первую встречу в Чите уже более полувека назад», — считает Анашкин.

Все эти годы Эдуард Константинович вел дневник, вписывая в него все важное и интересное в литературном мире, связанное с Распутиным, собирал газетные и журнальные статьи, сберегая подаренные писателем книги, диктофонные записи разговоров. В 2013 году в Иркутске, на Днях русской духовности и культуры «Сияние России», Валентин Григорьевич спросил Анашкина, почему он интересуется его творчеством. Эдуард Константинович признался, что хочет написать о нем. В ответ Валентин Григорьевич тихо рассмеялся и пожал Анашкину руку со словами: «Благословляю тебя на это. У тебя получится. Главное, книга будет честная».

И вот книга вышла. В ней рассказано о дружбе двух писателей и еще много о чем. Сбор материала сблизил автора с родственниками знаменитого писателя по его линии и линии жены, Светланы Ивановны. Их воспоминания, фотографии помогают понять, каким был Валентин Григорьевич в кругу семьи, как относился к друзьям, коллегам по перу, узнать о трагических событиях в его жизни. Все это подтверждено фактами, вызывает доверие и глубокую благодарность автору «Честной книги» за сохранение памяти о великом писателе, нашем современнике, запечатлевшем историю и события, участником и свидетелем которых он был.

Вторая часть «Честной книги» посвящена прозаикам и поэтам, привнесшим в литературу свое видение мироустройства, отношений, чувств. Следует отметить, что у Эдуарда Константиновича особое чутье на талантливых людей. Как-то по-особенному, искренне и душевно рассказывает автор об их творчестве, жизненном пути. Это же отметил и прозаик Николай Иванов в автографе на своей книге «Тот, кто стреляет первым» (2017): «Моему брату по творчеству — Эдуарду Анашкину, обладающему внутренним зрением и способному за строчками увидеть автора. С поклонением, Н. Иванов».

Еще одна особенность — географическая широта охвата. Среди тех, кто привлек внимание не только Анашкина-читателя, но и исследователя, представители Поволжья, Западной и Восточной Сибири, Забайкалья. Есть и москвичи, но преобладают среди них выходцы из российской глубинки, не расставшиеся в творчестве со своими сельскими местами, болеющие за их судьбу.

Имена выстроены по алфавиту, и вот совпадение: первое слово обращено к Светлане Вьюгиной, детской писательнице. Тема детства очень близка Эдуарду Константиновичу! Недаром название его очерка «В сторону доброты» перекликается с названием уже упомянутого предисловия Распутина к книге самого автора — «На добро — добром». Без доброго чувства писать о детях невозможно. И потому неслучайно Анашкин упоминает самый болевой эпизод из рассказа Вьюгиной «Папа не пил» («Волшебное словечко», 2019), — когда мама допытывается у маленькой дочки, вернувшейся из магазина с отцом, выпивал ли он с друзьями. Девочка очень любит своего отца и только что увидела его фронтовых друзей, инвалидов, и потому встала перед выбором: «сказать правду о папе, значит, фактически предать папу. А не сказать правду — значит, обмануть маму. Ребенку приходится делать выбор даже не между добром и злом... а между большим и меньшим злом», — пишет Анашкин. Понимая терзания девочки, так и не выдавшей отца, он принимает ее сторону.

Очерк о прозаике Николае Иванове «Жизнь без наркоза» начинается со слов: «Есть писатели, чья биография захватывает читателя не меньше, чем его произведения. Потому что их произведения есть не только предмет литературы, но — продолжение авторской судьбы». Эта мысль продолжается и дальше: автор говорит, что военная проза Иванова, «помимо ее художественных достоинств, еще и документ эпохи. Ведь она существует в очень редком жанре — где за художественностью угадывается документальная конкретика». И эта конкретика пронзительна, как в новелле «Золотистый, золотой». Звучит и мнение самого писателя Иванова о том, как изображать войну. Будучи руководителем совещания молодых военных прозаиков, он доказывал: война — не только кровь и стрельба. «Правда войны — это и когда воробей прыгает по колочей проволоке. Когда по крыше землянки бежит ручей...»

Много внимания уделено Станиславу Куняеву. По причине вполне понятной: это одна из самых значимых фигур нашего времени — как писатель и как главный редактор журнала «Наш современник». Но Анашкин больше останавливается на его поэзии, считая, что «поэт Станислав Куняев порою незаслуженно попадает в тень публициста Станислава Куняева». Цитируя строфы из разных лет, он убеждает: в книге избранного «Сквозь слезы на глазах» стихи Куняева не потеряли свежести. Особенно — о трагической судьбе России. И дает свое объяснение: «...как гражданин и публицист он наверняка испытывает горечь. Раз стихи в защиту России не просто не устарели, но актуализировались, значит, Россия по-прежнему в беде. Разве “страшилки” для русского человека сверху поменяли. Раньше пугали: “Лишь бы не было войны”. Сегодня пугают: “Лишь бы не вернулись лихие девяностые”».

Чем дальше читаю, тем больше замечаю: очерки и статьи Эдуарда Анашкина пишутся в свободной форме, переплетаясь с воспоминаниями (не зря он иногда их называет эссе), и это говорит о личном отношении к тем, о ком он рассказывает. И оно, отношение, искреннее и душевное. Действительно, каждый ему знаком как человек, и человек хороший.

В небольшой, но емкой статье об известном русском писателе Владимире Крупине чуткий взгляд автора выхватывает такую деталь: Крупин из тех, кто может отказаться от литературной премии, если это препятствует его убеждениям. В творческой биографии поэта Николая Коновского отмечает, что «такое явление, когда поэт ушел в тень своих стихов — редкость», в отличие от тех, кто любит «всюду говорить о себе».

За некоторыми названиями сразу угадывается содержание: «Через тайгу к человеку» (об Анатолии Кандаурове), «Верность маленькому человеку» (о Иване Никульшине), «О русской глубинке замолвила слово» (о Елене Чубенко). Проза этих писателей — о простых людях. Но автор книги ни простыми, ни маленькими их не считает: «Да и какой он, собственно, маленький — человек, являющийся плоть от плоти, кровь от крови народа?.. Его душа — огромная вселенная. И писатели, которые по природе своей... также плоть от плоти своего народа, от этой темы никуда уйти не могли».

Многие поэты, ставшие героями книги Эдуарда Анашкина, удивляют тем, что не расстались с такими же важными, как литература, занятиями, то есть не изменили прежней профессии. Становится понятно, почему строчки из цитированных стихов вызвали мое доверие: они подпитаны самой жизнью. Среди тех, кого имею в виду, — талантливый актер и автор-исполнитель стихов-песен Михаил Ножкин; хирург-кардиолог Виктор Поляков, чье имя присвоено Самарскому кардиологическому диспансеру; журналист, кандидат политических наук Александр Новопашин; служитель культа протоиерей Сергей Гусельников.

Задержусь на имени последнего. В очерке «Отблеск любви изначальной...» с удивлением читаю: «...Будучи умудренным священнослужителем и достаточно известным поэтом, отец Сергей сохранил в себе ту детскую чистоту и ощущение своего изначального человеческого несовершенства, которые помогают ему сохранить исповедальность и покаянность в стихотворениях, не впадая в страсть обличительства и избыточной назидательности». И здесь же, ниже, строчка, которая подтвердила сказанное и обнадеедила: «...И я иду, и падаю в пути, / но мне легко терпеть любую муку. / Теперь я не один, теперь смогу дойти — / ведь рядом Тот, Кто подает мне руку!»

Вообще все подобранные цитаты не расходятся с оценками автора, и потому возникает желание найти и прочитать книги тех, с чьим творчеством познакомилась впервые.

Но вернусь к сибирякам — землякам Эдуарда Анашкина. На Днях «Сияния России» 2013 года Эдуард Константинович познакомился с иркутскими писателями. С той поры со многими перезванивается, интересуется, как идут литературные дела. В результате в журналах «Сибирь», «Наш современник», «Подъём», на интернет-сайтах появились его статьи о прозаиках Александре Донских, Юрии Баранове, Александре Лаптеве, поэтах Владимире Скифе, Михаиле Трофимове и других.

Не обошел Эдуард Константинович вниманием и недавно вышедшую книгу критики и публицистики Валентины Семеновой «Под небом родным и тревожным» (Вече, 2019) — статью «Тревога о родном» включил в свою «Честную книгу». Давая одобрительный отзыв очеркам как об известных всему миру Распутине и Вампилове, так и о других талантливых писателях Восточной Сибири — Альберте Гурулеве, Валерии Нефедьеве, Анатолии Горбунове, — он говорит о том, как «органично вписана распутинская тема в тему сибирской литературы, не подминая ее под себя, а высвечивая лучшее», и «все, что написано — не плод досужих размышлений, но собственный опыт участия в событиях».

В статье о Сергее Котькало «Без срока давности» писатель и критик-эссеист выразил одно из своих воззрений на творчество: «Писателем по-настоящему может быть лишь тот, кто любит литературу в себе, а не себя в литературе». Эти слова относятся не только к прозаику, которого он называет «большим тружеником литературы» и чье правдолюбие высоко оценивает в военных очерках, — они относятся и к самому Эдуарду Константиновичу. Он пишет о тех, кто придерживается тех же принципов. Кто несет в сердце огромное сочувствие к судьбе народа. Кто считает честное свидетельство о времени, событиях, людях своей главной задачей.

Вот почему его книга получилась цельной, живой, будто наполненной теплом дружеской беседы. И читается она легко и с благодарностью.

